

Иванов Е.Е.

**О "ЯЗЫКЕ АФОРФИЗМОВ" АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА КАК
ИДИОСТАЛИСТИЧЕСКОМ ФЕНОМЕНЕ***

Андрей Платонов (1899-1951) является одним из самых "афористичных" в отношении художественного идиостиля русских писателей XX века. Среди разнообразных средств, естественного и образно-символического языка оценки изображаемого мира, понимания его как Бытия, индивидуаль-но-авторская афористика занимает в текстах А.Платонова особое место.

Художественная речь, как известно, направлена на "выражение оценки изображаемого мира со стороны писателя, его отношения к действительности, его миропонимания" (В.В.Виноградов). Именно в афоризмах, как знаковой форме выражения мысли, получает одно из своих языковых проявлений единство рационального (resp. безлично "общего" в своих категориях "здорового смысла") и чувственного (resp. ярко "индивидуального" в процессе самого обобщения) познания действительности в человеческом мышлении. Основной фикцией индивидуально-авторской афористики в художественном тексте является обобщенно-оценочная характеристика передаваемого содержания. Афоризмы выступают и ярким выразительным средством вследствие почти обязательной экспрессивно-стилистической маркированности сво-

* Данная статья представляет собой сокращенный вариант доклада, прочитанного автором еще в ноябре 1994 г. на кафедре истории русской литературы XX века филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

ей семантической и грамматической структуры. Все это создает широкие возможности для их употребления в языке художественной литературы.

Обращение А.Платонова к возможностям "языка афоризмов" уже широко апробированного к тому времени в русской литературе объяснено своеобразием самой творческой манеры писателя. Автор романа "Чевенгур" (1927-1930), повестей "Котлован" (1929-1930), "Ювенильное море" (1934), "Город Градов" (1927), бедняцкой хроники "Впрок" (1929-1930), многочисленных рассказов находится в непрерывных поисках смысла (и смыслов) происходящего, проникает и вникает в тайны мироздания не столько интенцией убежденного разума, сколько, по словам самого писателя, "внутренним сомнением души", абсолютизируя ее этическую субстанцию в некое первоначало (*essentia*) всей Природы, постигаемой Человеком и пересотворяемой им в своем постижении. Характерное для творчества А.Платонова преломление духа современной ему эпохи сквозь сознание художественного героя (и, в первую очередь, сознание самого писателя как автора-повествователя), когда само время обязывало не только "громко" действовать, но и мыслить "громко", во многом предопределило в контексте творческого метода Платонова именно афористический способ мировосприятия в стремлении осмыслить бунт социума как "бунт личности". Отвергающей выработанные веками формы и принципы человеческого существования и утверждающей новые. Ср. "Человек - сволочь", "Хватишь сотку - сразу тебе и равенство и братство", "Всякая власть есть царство, тот же синклит и монархия", "Когда эволюция, тогда нет объективных условий" и т.п.

В этом смысле "язык афоризмов" выступает наиболее универсальным средством прежде всего структурно аутентичного воспроизведения (воссоздания) в художественном тексте индивидуально-авторской интерпретации и номинации действительности, где афоризм представляет собой не просто оригинальный и содержательно автономный "отрывок романа", повести или рассказа, но уникальный "снимок сложнейшего процесса авторской мысли" (перефразируя В.А.Чалмаева).

Афористика А.Платонова не плод изощренного в отвлечениях ума, не произвольный набор абстрактных формул и формулировок - это всегда языковая (и "в" языке) номинация активно функционирующих в сюжетно-событийной и идейно-образной архитектонике произведения "форм жизни" (геср. типических ситуаций бытия Мира и Человека в Мире). Многие обобщения писателя, на первый взгляд, необъяснимы и неизъяснимы с позиций и в понятиях привычного "здорового смысла", оперирующего истиной факта лишь в границах логически познаваемой реальности, однако обладают едва ли не осязаемой наглядностью. Ср. "У всякого человека в нижнем месте целый империализм сидит", "Бедней мертвеца нет пролетария на свете", "Красное знамя чаще всего идет на обшивку гробов" и т.п. При этом большинство афоризмов А.Платонова производят на читателя ошеломляющее воздействие своей парадоксальностью, позволяют убеждать не столько доказывая, сколько поражая.

Обобщенное представление о мире у А.Платонова формируется, как правило, посредством обнаружения и генерализации непосредственного многообразия фактов, возможная неповторимость каждого из которых только акцентирует его ценность как потенциальной "формы жизни".

Показательно в этом смысле почти абсолютное отсутствие так называемых "вечных истин", гносеологически нейтрализующих естественную дискретность бытия и оттого столь часто событийно нереперентных. Стремление писателя к замене рациональной ("логической") истины чувственной ("фактической") в отображении причинно-следственных связей реального мира категориями естественного языка, обусловило тяготение А.Платонова к грегериическим формам выражения афористической мысли (задолго до появления знаменитых *gregoria* Р.Гомеса де ла Серна) как наиболее отвечающим индивидуально-авторскому восприятию бытия, где превалирует именно аксиологический аспект. "Слова, - пишет Андрей Платонов в "Чевенгуре", - были личной естественной надобностью, и часто речи не имели ни вопросов, ни предложений, а заключали в себе одно удивленное сомнение (выделено нами - Е.Е.). Более половины всех афоризмов в текстах писателя именно грегери, что во многом определяет образно-поэтическую структуру афористического идиолекта Платонова. Ср., например, "Запах человека, есть пыль собственных вещей", "Время это ум, а не чувство", "Мысль любит легкость и горе", "Социализм похож на солнце и восходит летом", "Советская власть не страх, а народная задумчивость", "Коммунизм - обоюдное чувство масс" и т.п.

Феномен "афористичности" идиостиля А.Платонова составляет одно из слагаемых типизированного в прозе писателя т.н. "славянского языка революции" (Е.Д.Поливанов). Афоризмы в повествовательной ткани большинства произведений писателя, как правило, выводятся на коммуникативно "ударную" позицию (аргумента, вывода, посылки, комментария и т.д.). Нередко афоризм - это "крик души" автора или персонажа в споре с реальной или мнимой действительностью, ср. "Жутко быть одному в сочельник коммунизма", "По мошонке Иисуса Христа, по ребру богородицы и по всему христианскому поколению - или?" и т.п.

Широкая, до избыточности, насыщенность художественной речи произведений А.Платонова афоризмами (например, в тексте "Чевенгура" каждое шестое высказывание отвлеченной, нереперентной семантики), причем в большинстве своем интертекстуальной структуры, явилась не только продуктом и причиной смысловой глубины и художественной обобщенности каждого текста в отдельности, но и условием возникновения того "превосходящего самого себя" языка, где "масса" смысла постоянно размывает строгие границы знака, и который поэтому кажется всегда "чем-то большим, чем он есть" у Платонова (И.Бродский). Будучи органичной частью неповторимой лингвокультуры писателя, индивидуально-авторская афористика вырастает в прозе Андрея Платонова от конститутивно присущей ей "ситуативности" до почти "бытийности" в контексте, требуя уже понимать не "ее", а "ею". "Язык афоризмов" видится у Платонова своего рода формой и способом метаязыкового и

метатекстового восприятия литературного произведения, когда, перефразируя И.Канта, всякий раз "путем сравнения мыслей, высказываемых автором о своем предмете (описания, рассуждения и т.п.), мы понимаем его лучше, чем он сам". Ср. "Коммунизм — обоюдное чувство масс", "Жутко быть одному в сочельник коммунизма".

Язык А.Платонова не избилует тропами, он вообще чужд какого бы то ни было "стилистического гурманства" (И.Бродский). Вместе с тем, смысловая емкость афоризмов писателя достигается значительным расширением семантической структуры слова, его сочетаемости, логико-синтаксических связей и их концентрацией в пределах фразы. Ср., например, "Люди выдумали далеко не все, раз природное вещество живет не тронутым руками", "Когда думают — то не любят", "Люди плачут больше из предрассудка, чем из страха убытка" и т.п. Платонов все же не может избежать такого традиционного приема создания художественного образа, как метафора. Но метафора не есть невольный шаг писателя в сторону употребления привычных выразительных средств языка, скорее это "возможность" яркой индивидуализации образа.

Введение в изучение языка и стиля А.Платонова индивидуально-авторской афористики позволит значительно облегчить вхождение в сложный и неоднозначный мир социально-философских идей и образов писателя, увидеть за внешне броской, вычурной игрой ассоциаций поразительно гармоничный в своем "равновесии противоположностей" язык (Е.Толстая-Сегал), обнажить безграничную содержательную глубину идиолекта Андрея Платонова.